

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2025.3.2922](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2922)

Е. Р. Ярская-Смирнова, Д. И. Присяжнюк

«ЭТА ТЕМА СКОЛЬЗКАЯ»: ФРЕЙМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Правильная ссылка на статью:

Ярская-Смирнова Е. Р., Присяжнюк Д. И. «Эта тема скользкая»: фреймы образовательной инклюзии детей мигрантов в российских печатных СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 156—182. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2922>.

For citation:

Iarskaia-Smirnova E. R., Prisiazhniuk D. I. (2025) “This is a Dicey Topic”: Frames of Educational Inclusion of Migrant Children in Russian Print Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 156–182. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2922>. (In Russ.)

Получено: 26.02.2025. Принято к публикации: 25.04.2025.

«ЭТА ТЕМА СКОЛЬЗКАЯ»: ФРЕЙМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: eiarskaia@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3139-5215>

ПРИСЯЖНЮК Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>

Аннотация. В статье обсуждаются способы фреймирования проблематики образования детей мигрантов в российских СМИ. С применением фрейм-анализа на основе адаптации подходов Р. Энтмана и У. Гамсона на сплошной выборке статей в «Российской газете», «Известиях» и «Независимой газете» за период с 2005 по 2024 г. выявлены четыре группы аргументов, представляющие контрастные приемы проблематизации образовательной инклюзии детей мигрантов и формирующие фреймы «Угроза», «Наименьшее из зол», «Жертва» и «Права».

В логике фрейма «Угроза» образование утрачивает функцию социализации из-за роста разрушающих его чужеродных элементов, увеличивающих нагрузку и наносящих вред обществу. Тем, кто не прошел социализацию в принимающей стране, трудно осваивать школьную программу, и они представляют риски для окружающих. В дискурсивной рамке «Наименьшее из зол» образование пред-

“THIS IS A DICEY TOPIC”: FRAMES OF EDUCATIONAL INCLUSION OF MIGRANT CHILDREN IN RUSSIAN PRINT MEDIA

*Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the International Laboratory for Social Integration Research
 E-MAIL: eiarskaia@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3139-5215>*

*Daria I. PRISIAZHNIUK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Leading Researcher of the International Laboratory for Social Integration Research
 E-MAIL: dprisyazhnyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2174>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the methods of framing the issue of education of migrant children in the Russian media. Using frame analysis based on the adaptation of the approaches of R. Entman and W. Gamson on a continuous sample of articles in Rossiyskaya Gazeta, Izvestia and Nezavisimaya Gazeta for the period 2005–2024, the authors identify four groups of arguments that represent contrasting methods of problematizing the educational inclusion of migrant children. They form frames that authors named “Threat”, “The least evil”, “The Victim”, and “The Rights”.

In the logic of the “Threat” frame, education is devalued due to the growth of alien elements that destroy it, increasing the burden and harming the society. Those who have not been socialized in the host country find it difficult to master the school curriculum, and they pose risks to others. In the discursive frame “The least evil”, education appears as a barrier to criminalization and a channel for

стает барьером криминализации и каналом пополнения трудовых ресурсов. Преимущества от «неизбежной» инклузии просматриваются в терминах продуктивизма и безопасности для общества. Фрейм «Жертва» показывает детей заложниками традиций, сталкивающимися с эксплуатацией, изоляцией и насилием, страдающими от дефицитов в системе образования. Статьи из фрейма «Права» показывают детей мигрантов субъектами с разнообразными особенностями, постулируют важность гибких подходов к обучению. Культурная тема фрейма построена на неприятии ксенофобии, важности правового государства и инклузивной культуры, толерантности и гуманизме. В конце рассматриваемого периода лексемы закона и порядка задействуются в контексте delegitimation существующих правовых норм. Здесь лакуны правового поля усматриваются в недостаточной прочности фильтров, наносящей вред всем участникам. Быстро усиливаются голоса, легитимирующие исправление законодательства ввиду проблем с «языковой пригодностью» детей иностранных граждан, которых необходимо оградить от системы образования ради их же блага и защиты российских учащихся.

Статья вносит вклад в развитие представлений о политике репрезентации и наборе инструментов для обозначения тех вызовов, которые встают перед ключевыми социальными институтами в контексте современных процессов транснациональной миграции.

Ключевые слова: дети мигрантов, образование, массмедиа, фрейм-анализ, инклузия

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

replenishing the labor force. The benefits of “inevitable” inclusion are viewed in terms of productivism and safety for society. “The Victim” frame shows children as hostages of tradition, experiencing exploitation, isolation and violence, suffering from deficiencies in the education system. Articles in “The Rights” frame show migrant children as subjects with diverse characteristics and postulate the importance of flexible approaches to education. The cultural theme of the frame is built on the rejection of xenophobia, the importance of the rule of law and inclusive culture, tolerance, and humanism. At the end of the period under consideration, the lexemes of law and order are used in the context of delegitimization of existing legal norms. Here, the lacunae of the legal field are seen as the insufficient strength of filters, which harms all participants. Voices legitimizing the amendment of legislation in view of problems with the “linguistic suitability” of children of foreign citizens, who must be shielded from the education system for their own good and the protection of Russian students, are rapidly gaining strength.

The article contributes to the development of ideas about the politics of representation and a set of tools for identifying the challenges that key social institutions face within contemporary processes of transnational migration.

Keywords: migrant children, education, mass media, frame analysis, inclusion

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Введение

В России с 1 апреля 2025 г. дети иностранцев при поступлении в школу должны сдавать тест на знание русского языка¹. Такое нововведение может привести к тому, что некоторые из них останутся вне системы образования, а среди взрослых мигрантов будет расти число одиночек, чьи риски социальной дезадаптации выше, чем у семейных. Кроме того, представления о языковом единстве воображаемого сообщества граждан государства-нации игнорируют реалии полиэтнического общества, в котором далеко не все одинаково хорошо владеют государственным языком. Ведь закон делает акцент на мигрантах, тогда как похожие проблемы есть у российских детей, не говорящих на русском языке (речь идет, например, о представителях некоторых этнических групп, проживающих в небольших населенных пунктах, для которых русский язык не является родным).

Хотя в научном поле инклюзивное образование трактуется в разных аспектах, серьезный перевес наблюдается в сторону инвалидности и ограничений по здоровью. Дети иностранцев, в том числе мигрантов, не часто попадают в центр академической дискуссии об инклюзии, тем самым замалчиваются многие вопросы о сложных вызовах, которые сегодня стоят перед системой образования и российским обществом в целом. В результате поисковых запросов в Google Scholar с ключевым словосочетанием «инклюзивное образование», вариативно дополненными лексемами уязвимых групп, получаем следующее распределение: 24 500 результатов со словом «инвалид», 32 400 — «ОВЗ», 8 510 — «мигрант», 465 — «инофон».

Базовые международные документы провозглашают принципы недопущения неравенства в доступе к образованию достаточно широко: вначале во Всеобщей декларации прав человека², затем подробнее в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования³, Конвенции о правах ребенка⁴. В развитии представлений об инклюзивном образовании важную роль играют Всемирная декларация об образовании для всех⁵ и Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями⁶. Закон «Об образовании в РФ» определяет инклюзивное образование универсально — как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей»⁷. В 2021 г. Минпросвещения РФ опубликова-

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411233329> (дата обращения: 26.02.2025).

² Всеобщая декларация прав человека // ООН. 1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.02.2025).

³ Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // ООН. 1960. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (дата обращения: 26.02.2025).

⁴ Конвенция о правах ребенка // ООН. 1989. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 17.06.2025).

⁵ Всемирная декларация об образовании для всех // ООН. 1990. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/jomtien.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

⁶ The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education. UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000098427> (дата обращения: 26.02.2025).

⁷ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a (дата обращения: 26.02.2025).

ло письмо с разъяснениями задач инклюзивного образования в контексте языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан⁸.

Отечественные авторы исследуют проблемы, связанные с отражением в СМИ мигрантов и сложностей миграции (см., например, [Киреева, 2019; Комарова, 2019; Леденева, Безвербная, 2020; Маркина, 2015; Сосновская, 2020] и др.). Однако вопросы образования детей мигрантов пока остаются на периферии внимания научного сообщества. То, какие именно аспекты инклюзивного образования оказываются в фокусе общественного внимания, а какие вытесняются на периферию, во многом обусловлено политикой презентаций. Под этим понятием Стюарт Холл [Hall, 1980: 138] подразумевал способы означивания (*signification*), то есть то, как смыслы, конструируемые массмедиа, приобретают собственную символическую власть и начинают доминировать в системе представлений. При этом СМИ используют набор инструментов и символов для обозначения тех или иных людей, объектов и событий в рамках определенной системы ценностей и представлений [Van Gorp, 2010]. Это позволяет фреймировать образы, то есть «выделять некоторые аспекты воспринимаемой реальности и делать их более заметными в тексте сообщения», чтобы представить проблему понятной различным аудиториям [Entman, 1993: 52].

Фреймирование управляет нашим восприятием сообщения, позволяя понять его в определенном ракурсе. Каждый из таких ракурсов подсвечивает те или иные аспекты явления, игнорируя или модифицируя другие [Goethals et al., 2020]. Анализируя фрейминг инклюзии детей мигрантов в массмедиа, можно распознать, как с помощью специальных риторических инструментов ограничения «своих» от «чужих» укрепляются символические границы «национально воображаемого сообщества» [Андерсон, 2016: 104]. Среди выявленных ранее инструментов фреймирования — проблематизация миграции как угрозы [Комарова, 2019; Cap, 2019], кризиса и катастрофы [Koca-Helvacı, 2019] и построенных на этой основе аргументов усиления режимов секьюритизации [Buzan, Waever, 1998]⁹, огораживания «нации», например в Великобритании [Rosen, Crafter, 2018]. Дискурсы криминализации и зависимости мигрантов от социального обеспечения артикулируются в испанских медиа с националистической перспективы [Gómez-Quintero, Aguerri, Gimeno-Monterde, 2021]. При этом медиа в образах «мигрантов» воспроизводят смыслы неравенства по различным основаниям, таким как этничность, конфессия, страна исхода. Контент-анализ СМИ в Германии демонстрирует, что мусульмане в целом и турки в особенности нередко позиционируются как неинтегрируемые «Другие» [Fuller, 2019].

Дети-мигранты являются частью этих представлений, но презентации несовершеннолетних обладают своими особенностями: актуализируются коды уязвимости и зависимости, а также важные ракурсы возникают на пересечении тематических полей миграции и образования. То, как освещение событий в СМИ фреймирует реальность, может подпитывать стереотипы и усиливать дискрими-

⁸ Минпросвещения России от 16.08.2021 N HH-202/07 «О направлении методических рекомендаций» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400188 (дата обращения: 26.02.2025).

⁹ Частью процесса секьюритизации является дискурс о возникновении угрозы существованию референтного объекта [Buzan, Waever, 1998].

нацию, в том числе в отношении детей мигрантов. Исследователи полагают, что такие репрезентации не только способствуют поляризации общественных дискуссий о миграции, но и препятствуют усилиям по созданию инклюзивных обществ [Elitaş, 2024], влияя на жизненные шансы детей. Например, было показано, что популярность метафоры «опасная вода» в отношении детей, прибывающих из Центральной Америки, в медийных репрезентациях в США влияет на проблемы образовательной интеграции этих учащихся [Catalano, 2017]. Переживания о страданиях семей мигрантов, в особенности детей, сочетаются с негативными метафорами «наводнения» и «потока» перемещающихся групп, что вызывает ощущение потери контроля над национальными границами, при этом образы мигрантов и их семей связываются в медийных зарисовках с «утечкой» бюджетных средств [Rosen, Crafter, 2018].

Методология исследования

Этот небольшой обзор подводит нас к основному исследовательскому вопросу нашей статьи: как фреймируется проблема образовательной инклюзии детей мигрантов в рассматриваемый период, какие при этом используются приемы аргументации в каждом фрейме и какие выдвигаются возможные способы ее решения? Для ответа на этот вопрос проанализируем основные фреймы образовательной инклюзии детей мигрантов при помощи анализа публикаций в трех крупных российских печатных СМИ: «Российская газета» (РГ), «Известия» (ИЗ) и «Независимая газета» (НГ) за период 1 января 2005 г. по 31 декабря 2024 г. Выбор газет предопределен их вариативностью: РГ является официальным источником Правительства РФ¹⁰, ИЗ — прессы без формальной аффилиации с государственными структурами, но субсидируемая бюджетом Москвы¹¹, НГ входит в реестр малых предприятий¹². Все три издания регулярно (в 2008—2009, 2017, 2019 гг.) попадали в топ-10 ведущих, наиболее заметных и цитируемых федеральных печатных СМИ по данным «Медиалогии»¹³. Отбор этих изданий по выборке максимальной вариации с целью проведения контент-анализа публикаций реализовался в предыдущих исследованиях [Павленко, 2013; Линь, 2023].

Статьи отбирались в два этапа: вначале с использованием сочетания ключевых слов — (1) «дет* мигрантQ», или «дет* иностранцQ», или «дет* инофонQ» и (2) «образовQ», «школQ» — был получен массив из 1152 статей в ходе сплошного отбора при помощи ресурса «Интегрум», дополненного мануальной проверкой архивов каждой из газет. На втором этапе были отсеяны нерелевантные единицы: тексты законов, публикации об иностранном контексте, тексты нормативно-правовых актов и докладов уполномоченных лиц, в итоге в выборке остались только авторские тексты. В результате общий объем выборки составил 130 публикаций.

¹⁰ Перечень общероссийских государственных организаций телерадиовещания и общероссийских государственных периодических печатных изданий // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/banners/elect_president/nra/post_589_pril.php (дата обращения: 02.03.2025).

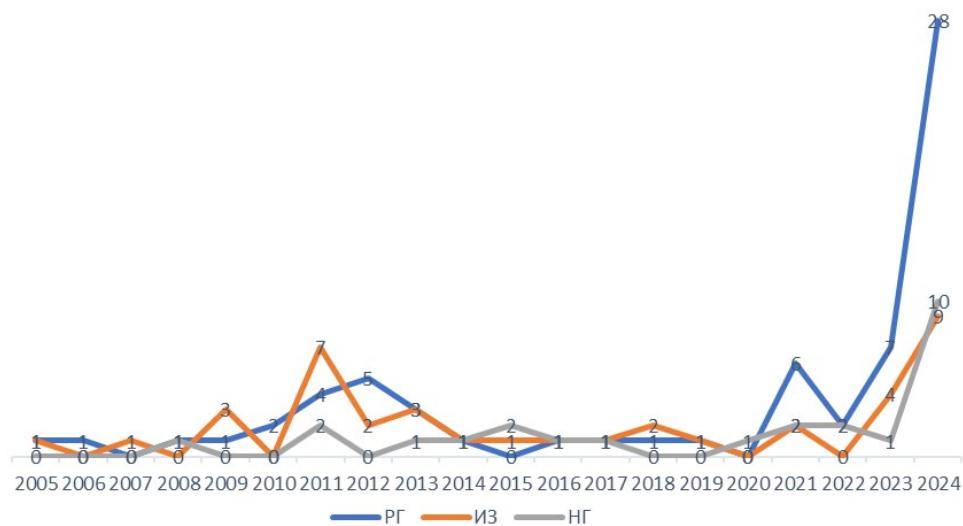
¹¹ Там же.

¹² ЗАО «Редакция „Независимой Газеты“» // Rusprofile. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/4330924> (дата обращения: 02.03.2025).

¹³ Составлен рейтинг самых влиятельных СМИ в России // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2008/11/13/mediology/> (дата обращения: 02.03.2025).

На первых порах тема образования детей мигрантов поднималась на полосах газет как реакция на резонансные случаи или как освещение возможных административных решений и реформ. В 2011 г. в ИЗ и НГ, а в 2012 в РГ фиксируются небольшие пики публикаций ($N=18$) в связи с принятием нового закона «Об образовании в РФ», после 2012 г. тема угасает и держится на невысоком уровне до 2020 г. В 2021 г. тема образования мигрантов вновь поднимается после выступления Владимира Путина на заседании Совета по международным отношениям и поручения по адаптации детей-мигрантов в российских школах (17¹⁴). Пик публикаций приходится на 2024 г., когда обсуждается законопроект о приеме в школу по результатам языкового тестирования.

Рис. 1. Распределение релевантных публикаций по газетам и годам

Образование детей мигрантов раскрывается в следующих терминах. Чаще всего образование детей-инофонов называют «адаптацией» ($N=56$), причем большинство таких упоминаний ($N=39$) — в статьях до 2023 г.: социально-культурная, этнокультурная, языковая, социально-экономическая адаптация. Доля статей, в которых образование для детей-мигрантов связывается с адаптацией, больше всего в НГ (16 из 25 публикаций), а меньше всего — в РГ (21 из 66). В целом язык публикаций в НГ более насыщен терминологией по сравнению с двумя остальными изданиями. Встречаются и другие близкие термины в трех изданиях: «интеграция» ($N=24$), «ассимиляция» ($N=2$), «инкультурация» ($N=1$), «консолидация» ($N=1$). Термин «инклюзивное образование» в отношении детей мигрантов появляется в текстах газетных публикаций всего раз в публикации РГ в 2012 г., еще в одной статье 2024 г. говорится о «принципе инклюзивности» российского образования.

¹⁴ Так обозначаются ссылки на газетные статьи, см. Приложение.

С целью анализа фреймов мы провели индуктивное кодирование текстов всех статей на основе адаптации подходов Р. Энтмана и У. Гамсона. Согласно Энтману, фрейминг способствует «определению конкретной проблемы, причинно-следственной интерпретации, моральной оценки» [Entman, 1993: 52]. Дополнительно мы рассматривали основные приемы аргументации, к которым относили особенности лексики и метафоры, а также обращали внимание на способы фреймирования, где, помимо определений проблемы и ее каузальной интерпретации, выделяли возможные способы решения, рекомендации или предпринятые действия [Gamson, Modigliani, 1989; Gamson et al., 1992; Van Gorp, 2007, 2010; Goethals et al., 2020]. На первом этапе кодирования мы полностью читали все тексты нашей выборки, отмечая ключевые идеи и логику аргументации, на втором этапе группировали фрагменты текстов и отмечали приемы фреймирования. Затем мы систематизировали материалы по выделенным компонентам фрейм-анализа [Van Gorp, 2010; Мавлетова, Лебедев 2017: 84; Goethals et al., 2020]: центральный фрейм, лежащий в его основе культурный мотив, определение конкретной проблемы, причинно-следственные связи, возникающие при объяснении проблем образования детей мигрантов, моральные оценки и возможные способы решения. Основные фреймы часто сопровождаются контрфреймами, которые предлагают альтернативу доминирующему объяснениям проблем образования детей мигрантов. При этом в одном тексте может содержаться более одного фрейма или сочетаться как фрейм, так и контраргументы.

Результаты

Анализ данных выявил четыре фрейма, конкурирующих между собой, в нашей выборке преобладают первый и последний: «Угроза», «Жертва», «Наименьшее из зол», «Права». Дальнейшее представление результатов структурировано по этим фреймам. Репертуар возможных решений представлен на пересечении фреймов, в связи с чем анализ рекомендаций мы представим в обобщенном виде. В завершающей части статьи мы приведем выводы по результатам анализа.

Фрейм 1. «Угроза»

Один из доминирующих фреймов ($N=59$) опирается на культурную тему «все несчастья — от чужих», проблематизируя инклюзию детей мигрантов как помеху качеству образования, риски безопасности, финансовое бремя и культурный урон. В качестве причин выдвигаются масштабность миграции, языковой барьер и культурная дистанция, а также ненадлежащий контроль. Эти условия приводят к росту социальной напряженности, снижению успеваемости и мотивации у российских детей, повышению тревожности учителей и общественности, в первую очередь родителей местных детей.

Центральный посыл фрейма раскрывается через пугающую статистику: от 10 % до 80 % детей-мигрантов плохо знают русский язык (32; 43), с отсылкой к масштабности явления обосновывается необходимость реформы (53). Журналисты представляют безрадостную картину совместного обучения, где «наши дети скучают, сходят с ума <...>, когда вокруг тебя товарищи, которые ни бэ ни мэ» (41). Когда «школа берет всех, даже без знания азов русского языка» (32), у некото-

рых нет фоновых знаний о Чебурашке и других героях сказок (39), и педагоги вынуждены тратить больше времени на объяснение урока. С 2022 г. голоса усиливаются: когда обучение всего класса срывается, от этого «страдают не только российские дети, но и сами приезжие» (66), «родители стремятся забрать ребенка из такого класса» (2), школа становится испытанием для детей, как и они — для школы (50), «одного такого ребенка достаточно, чтобы обучение всего класса было парализовано» (51). В сентябре 2024 г. в новостях сообщают о проверке школы в Калининграде Следственным комитетом в ответ на жалобы родителей (62). Апелляции к количественным показателям не только обретают эмоциональный оттенок, но и связаны по смыслу с нарушением закона.

Другая проблема совместного обучения в данной логике — это конфликты «из-за разных культурных традиций, языка и религии между российскими детьми и приезжими» (61). Как пишет журналист, «создаваемое напряжение работает <...> на усиление социальной границы между двумя группами детей» (24). Более поздние публикации характеризуются драматизмом: пишут не только о конфликтах (28), а об избиении младшего школьника, причем родители обидчика оказались еще и нарушителями миграционного режима (19). Использование научной лексики усиливает накал и повышает доверие говорящему: «Антисоциальное поведение приезжих и их детей имеет серьезный деструктивный потенциал» (33). Несколько статей в логике медикализации предлагают соотносить норму численности детей мигрантов в школах «с общим распространением психического нездоровья» (2).

Лейтмотив, вытекающий из темы конфликтов, — угроза национальной идентичности. За одной партой с «коренным москвичом» могут оказаться «эти дети», которые «не знакомы с местными традициями и особенностями российского быта» (39), «некоторые лишь недавно в буквальном смысле спустились с гор» (41). Эти «носили иностранный картины мира, инофоны в более широком смысле» привносят свои «религиозные устои, национальный менталитет» (41); начинают «распространять свои обычай» (2), так порождается «неприемлемый для России инокультурный уклад» (26), а ввиду масштабности миграционных потоков «при цивилизационном народозамещении мы утратим Россию» (49).

Расширением логики «Угроза» выступает проблематизация детей мигрантов как «бремени». Здесь используются экономические мотивы, которые рационализируют, но не смягчают алармистский накал. Образование детей мигрантов обсуждается в контексте пустых трат (15) и убытков. Детей, не владеющих в достаточной мере русским языком, называют обузой для школы (29). Они создают нагрузку на бюджет, поскольку нужны специальные учебники, программы, учителья (8), и на социальные институты (35). К аргументам о социально-экономической напряженности относятся заявления о мигрантах, отнимающих у местных работу, дефицитные места в дошкольных учреждениях (45) и школах (3). Трудовые мигранты, ссылаются на экспертов журналисты, везут с собой в Россию «полки шлака родственников с целым букетом болезней, стариков, детей и беременных женщин», желающих пользоваться услугами образования, здравоохранения за счет налогов граждан РФ (34; 59).

В публикациях данного фрейма используются специфические риторические приемы. Среди них — эмоциональная лексика (используются лексемы «тревога»,

«пугающая статистика», «провоцирует напряженность»), объектификация («привить нормы»), ориенталистские метафоры силы, масштабности и плодовитости, источника помех, неприятностей и рисков, опасной воды, дикости и культурной чуждости, социальной дистанции.

Фрейм 2. «Жертва»

Фрейм «Жертва» ($N=34$) выдвигает аргументы, альтернативные фрейму «Угроза». В текстах говорится о бедности, неравенстве и сегрегации, неготовности системы образования. Семьи мигрантов представлены объектами сочувствия, жертвами ксенофобии или произвола бюрократов. Дети мигрантов — это особый медийный образ: в отличие от всех мигрантов они более бесправны, уязвимы и невинны, показаны заложниками традиционного уклада, а их родители выступают барьером инклюзии. Такие презентации призваны вызывать положительную моральную оценку, а также симпатию и сострадание у аудитории, в нескольких случаях используется драматизация и делается вывод о необходимости позаботиться о детях, которым «не повезло с родителями».

Как о причинах бедственного положения мигрантов в статьях пишут о сегрегации и ксенофобии: живут «бедно и бесправно» (14), селятся «кучно», чтобы оказывать друг другу поддержку, при этом школы пополняются детьми, слабо говорящими по-русски (32), что провоцирует расистские реакции местных жителей на «наплыв мигрантов» (14). И хотя почти каждый четвертый из опрошенных россиян знает, что ксенофобия — «это фашизм», среди 15 % населения распространены настроения «Россия — для русских» (57), популярность этой установки растет, особенно среди молодежи (24). Как пишет журналист, «многие рассуждают так: чем хуже „понаехавшие“ будут себя здесь чувствовать, тем быстрее уберутся вовсю» (10). В некоторых статьях барьерами образования для детей мигрантов показаны некомпетентные и враждебно настроенные педагоги (1).

Фрейм «Жертва» разворачивается в сторону системы образования, фокусируясь на ее пробелах и проблемах, а именно: нехватке школ и программ обучения русскому языку, педагогов и сопровождающих специалистов, дефиците времени, навыков и знаний для совладания с новыми вызовами, недостатке нужных методик и учебной литературы (12; 22; 32). Чиновники и школы возводят барьеры, ребенок «чувствует себя аутсайдером в коллективе и может отказаться учиться» (29). Другой вариант виктимного дискурса — дети ни в чем не виноваты, они просто не знают язык (9). Такие объяснения становятся слабее в конце 2024 г., в преддверии принятия закона о тестировании на знание русского языка.

Аргументы о сегрегации дополняются рассуждением о так называемых мигрантских школах. Это массовые учебные заведения, которые еще с советских времен считаются «устойчиво неуспешными», «морально устаревшими», со «сложным социальным контекстом», с «трудными» и «неблагополучными» учениками. При этом мигранты предпочитают эти школы, ведь здесь «уже учатся дети их соплеменников» (30), а «наши родители» направляются в другие — более престижные (47). Появление «мигрантских» школ является результатом неформальных стратегий администраций школ города, а также родителей — как «местных», так и мигрантов [Деминцева, 2020]. Такие школы «не могут себе позволить отбор учеников, учи-

теля не имеют возможности повышать квалификацию» (42). Школьная фильтрация лишь усиливает социальное неравенство, умножая его измерения: попадая в школы «со сложным социальным контекстом», дети мигрантов часто оказываются в классах «с детьми, имеющими особенности развития» (33). В некоторых материалах этот аргумент усиливается отрицанием потенциала приезжих учащихся: «заведомо неспособны» к освоению школьной программы (28). Так действует риторика инвалидизации, поддерживающая медикалистский акцент, ранее обнаруженный нами в дискурсе «Угроза».

В одной из статей подчеркивается номадический статус семей как фактор эксклюзии: «родители вынуждены все время менять место жительства» (33). Частые перемещения репрезентируются как драйверы неравных шансов детей, дополнительно к высокой социально-экономической уязвимости, решениям родителей не в пользу школ, стереотипам, разделяемым учителями, отсеву детей в коррекционные классы¹⁵ и другим ограничениям, среди которых и нормативно-правовая база. Между тем, как пишут в некоторых недавних статьях, новый закон лишь повышает риски дезадаптации мигрантов и усиливает ксенофобию в обществе (22).

В ряде статей вина возлагается на родителей, которые не доверяют школам (7), безответственны, слабо информированы (11), не видят нужды в языковом обучении (63), до них тяжело «достучаться» (38). Педагоги, словно миссионеры, «печатают объявления, которые начинаются со слова „бесплатно“, и сами ходят с ними по рынкам, зазывая мигрантов» (10). Низкие социальные притязания мигрантов (40) показаны как основание «откровенной незаинтересованности» в обучении в целом (50), особенно если речь идет о девочках (64), звучит оправдание культурными особенностями (48).

Гендерный акцент не случаен. Большой проблемой называются ранние браки, «в школу такие мамы потом не ходят» (47). Авторы указывают на барьеры, укоренившиеся в традициях, но в некоторых текстах при этом воспроизводятся стереотипы ориенталистского толка: «нацелены ли на обучение девочки от 13 лет либо они уже готовятся стать тут чьими-то женами? <...> Вероятно, они [мальчики] тоже не учатся и не интегрируются, а осуществляют трудовую деятельность — <...> скорее всего нелегальную» (34). О рисках традиционного уклада читаем также в сообщениях о гендерном насилии среди детей мигрантов.

Дети в этом фрейме — жертвы традиций, экономической эксплуатации, изоляции и насилия, они «невидимы для служб социальной помощи» (31). Ограниченный доступ детей к образованию (23) объясняется с ценностно-рациональных позиций: «Традиционно в азиатских странах дети начинают помогать родителям с 7 лет. Это возраст, когда ребенок воспринимается уже как дополнительные рабочие руки в семье» (29; 44). Акцент на нелегальном статусе ребенка переводит разговор в плоскость правозащиты: даже у законно работающих родителей дети живут вне правового поля, становясь более уязвимыми, и за этим должны следовать санкции: лишение родительских прав и пересмотр решений об их пребывании в РФ (28; 46; 65).

¹⁵ Cortina Toro M., Jimenez J. M., Rozo Villarraga S. V. Little Nomads: Economic and Social Impacts of Migration on Children. Policy Research WPS 10686. Washington, D.C.: World Bank Group, 2024. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099418301302435890> (дата обращения: 17.06.2025).

Во фрейме «Жертва» рациональные аргументы встречаются чаще, чем во фрейме «Угроза», где превалирует эмоциональный тон. В дискурсе виктимизации активно применяется прием драматизации (дети не виноваты, трудятся, помогая родителям), в том числе с использованием метафор культурной чуждости, а также риторика силы (грозит лишение родительских прав либо депортация), беспорядка через отрицание (неадаптированные, неблагополучные, нелегальные, несостоявшийся, незащищенность, вне правового поля, нет статистики), медиакализация (заведомо неспособны), унижение (мамаша), инфантилизация, противостояние (учителей и детей), эпитеты, коннотирующие с низким качеством услуг и сегрегацией, низким уровнем жизни, сарказм в адрес устаревших методик (талдычат), клише культурной реификации.

Фрейм З. «Наименьшее из зол»

В канве этого фрейма ($N=30$) мигранты нужны как вынужденная необходимость ввиду недостатка трудовых ресурсов. Основанием проблематизации выступают аргументы о противоречии между потребностями в трудовых ресурсах, с одной стороны, и неготовностью этих ресурсов к выполнению своих функций, с другой. В данной логике, чтобы превратить потенциал в активы, необходимы инвестиции, в первую очередь с помощью образования как канала нормативной социализации.

Ключевой лейтмотив — решение демографических проблем за счет мигрантов для пополнения рабочей силы (14). Такая стратегия представляется как искусственная, но неизбежная: «Как бы мы ни относились к инородцам, оседающим в наших городах <...>, своими средствами демографическую проблему решить не получается» (39). И если «нам мигранты нужны <...>, то целесообразнее их обучить» (40), иначе страна будет обескровлена, а ее экономике и благосостоянию граждан будет нанесен урон (23). Аргументы в пользу инклюзии обоснованы рационально, с экономической точки зрения: новые молодые граждане, получив образование в российских учреждениях, будут адаптированы к работе в российских условиях (44). Притоку мигрантов не следует сопротивляться — так мы лишь упустим время и возможности; напротив, нужно извлечь из этого максимальную пользу (22).

Несмотря на то что многие мигранты не платят прямых налогов в российский бюджет, эксперты оценивают их вклад в нашу экономику примерно в 7—8% ВВП (45). Один из тезисов данного фрейма выстроен в логике дифференцированной инклюзии: здесь аргументируется, кто достоин, а кто не достоин поддержки. Спикеры предлагают классифицировать мигрантов на категории, чтобы понять, «каких детей обучать за счет бюджета» (49). Это те, кто находится в России на законных основаниях (25); «встроены в местную экономику, намерены надолго осесть в стране. И их дети могут довольно быстро влиться в коллектив» (29). Инклюзия детей мигрантов здесь — это канал пополнения благонадежных трудовых ресурсов, ведь именно семейные люди наиболее стабильны и безопасны (13). Некоторые эксперты делают иной вывод: «семьи пусть остаются дома» (40).

Дети иностранцев, даже родившихся в России, не стали мигрантами «интеллектуальными» (58). Мало того, что здесь символически обесценивается потенциал детей мигрантов, в той же статье автор учебника для мигрантов говорит, что «эти детишки»

не инофоны, а «настоящие безъязыкие инородцы» (58). Если «потомство „понаехавших“ в столицу так и не дойдет до школы» (10), то «они никуда не исчезнут, а только вырастут неграмотными и совсем несоциализированными» (34). Необходимость их обучения в российских школах представлена как выбор наименьшего из зол.

Еще один лейтмотив данного фрейма придает образовательной инклюзии детей мигрантов значение экономического подспорья для школ. Подушевое финансирование как благо было представлено в некоторых статьях еще в 2000-х годах: дети (в том числе и из семей мигрантов) — это как «мешочек с деньгами», приводит журналист слова директора одной из школ: «теперь берут любых» (58). Этот тезис повторяется и в других статьях: школа «молодого гастарбайтера» борется за каждого ученика (6), чтобы избежать сокращения бюджета, ведь средства следуют за ребенком (4; 30).

Значительный сегмент статей фрейма образует дискурс о рисках «криминализации» и «этнической преступности» (16), межэтнических конфликтов (3) и «анклавизации» (34), которые увеличиваются в отсутствие доступа к образованию. Читателей предупреждают об опасностях социально-экономической напряженности, экстремизма (35). Если «пустить ситуацию на самотек» (34) и допустить замыкание мигрантов «внутри своей диаспоры» (20), оттуда произрастут «изолированные субкультуры» (11), поскольку будут ограничены «общением с родней и соплеменниками» (39). Если проблему не решать, «возрастут социальная напряженность и антимигрантские настроения» (8).

Образование показано своеобразным порталом между мирами, оно сделает чужих своими, превратит «понаехавших» в правильных граждан. В этом видят роль наших педагогов: ребенок «расцветает», выходит во взрослую жизнь «практически обрусовшимся»: «Уже через два года учебы в российской школе ребенок-мигрант „переключается“ с национальных традиций на российские» (45). Детский сад и школа гарантируют аккультурацию, чтобы «в последующую жизнь приходили ментально русские» (34). Образ школы как горнила культурного гражданства ярко звучит в последней фазе рассматриваемого периода как аргумент в пользу доступности образования для детей мигрантов (22). Формула «иначе будет хуже» пересекается с аргументацией фрейма «Жертва»: если не допустить детей в школу, вырастут риски маргинализации, вовлечения в криминал (9; 64), «социальные изгои станут добычей <...> радикальны[х] исламист[ов]» (28); «и уж никак не станут частью нашего общества» (65). Не удастся сократить и бюджетные расходы, ведь придется тратить больше средств на обеспечение безопасности и функционирование системы исполнения наказаний (22).

В статьях используется лексика преимуществ (максимальная польза), социального исключения (маргинализация, социальные изгои), дегуманизации (передержка в школе, инородцы), объектификации, в том числе инфантанизации и виктимизации, криминализации, а также метафоры загрязнения («оседают» в наших городах, лексема «оседать» коннотирует с «осадком», то есть загрязнением), несвободы, ограничений (не можем отказаться, сами не сможем), экспрессивные лексемы страха (чрезвычайно опасно, анклавизация, экстремизм, гетто, фундаментализм, обескровливание страны, лишение ее новых работников, урон экономике и благосостоянию россиян).

Фрейм 4. «Права»

В этом фрейме ($N=65$) тема образования детей мигрантов размещается в семантических полях прав, обязанностей, гуманизма и справедливости. Этот подход утверждает, что все дети, независимо от их происхождения, этничности и гражданства, обладают неотъемлемым правом получать образование, но в 2024 г. усиливается акцент на нарушении прав большинства, и число публикаций с правовой риторикой резко возрастает (на 16 единиц). Проблемой до 2024 г. показаны правовые разрывы, произвол бюрократов, негуманное отношение или некомпетентность педагогов, причиной тому — неправильное отношение, непонимание того, что люди уезжают от бедствий и опасностей, отсутствие толерантности в культуре местных жителей, при этом недостатки правовых механизмов мешают интегрировать детей, а школа редко видит свою роль за пределами отсева, оценок и учебы. Одна из наиболее ранних статей этого фрейма в нашей выборке была опубликована в 2005 г.: «все дети в Москве независимо от национальности должны иметь возможность получить образование в государственных бесплатных школах» (60). В начале 2010-х годов представления об инклюзии получают развитие: не следует «отсеивать» мигрантов в спецклассы, создавая для них новые гетто, и не детям нужно адаптироваться к школе, а школы подстраивать под детей (7). Озвучивается мысль, что детей мигрантов нужно учить в обычных классах, но рассматривать как учащихся с особыми образовательными потребностями (54). Однако в отличие от риторики медикализации и инвалидизации детей мигрантов, отмеченной нами во фреймах «Угроза» и «Жертва», в статьях данного фрейма особенности понимаются скорее как аспекты разнообразия, требующие «найти гибкие решения в рамках системы образования» (8).

Если же школьная администрация препятствует инклюзии, не принимает ребенка из семьи мигрантов в школу, иногда даже запугивая родителей полицией (34), то родителям стоит идти в «департамент или в окружные управление образования. Там помогут» (60). В комитет «Гражданское содействие» регулярно поступают жалобы «от родителей-мигрантов и иногородних, которые хотели устроить своего ребенка в учебное заведение» (21). Примеры адвокации как отстаивания прав встречаются редко (35). Эксперты подтверждают: ситуация с обучением детей мигрантов в школах более чем удручающая — растет число неохваченных системой образования, «между детьми и образованием встает институт регистрации» (36), «правозащитники борются даже не с государством, а с частью населения» (32).

В 2020-е годы проблемы произвала чиновников и школьной администрации вновь привлекают внимание правозащитников. Порядок приема в школы с обязательным документом в виде регистрации или прописки — «бюрократический фильтр с целью оградить попадание в школы детей мигрантов» (37), который идет вразрез с нормативно-правовой базой и принятыми государственными стратегиями, не соответствует гуманистическим правовым нормам (37). С позиции экспертов политической партии «Яблоко», масштабы присутствия в школах детей, не знающих русского языка, серьезно преувеличены (28).

В противовес тезису о детях как жертвах своих родителей нашлось довольно много примеров, когда дети и их родители-мигранты — решительно настроенные, ответственные и трудолюбивые, отличающиеся от «ленивых» и равнодушных

к учебе местных сверстников; «целыми днями корпят над учебниками» (7), нико-гда не прогуливают занятия и всегда делают домашнее задание (41). «Приезжие хотят выжить» (7), учат русский с удовольствием, понимая, что он им необходим (55). Дети показаны настроенными учиться, они «переживают, пытаются тянуться» (6), аккуратные (31), старательные ученики, гордые за свои успехи: «у меня в четверти ни одной тройки!» (47). Есть одаренные ребята, которые могут внача-ле испугаться, «а потом расцветают» (58), они «берут прицел на вуз», в некоторых школах в качестве результата получают «стопроцентное поступление в вузы и от-сутствие каких бы то ни было этнических конфликтов» (14). Более того, в противо-положность фрейму «Угроза», где дети приезжих показаны не уважающими мест-ную культуру, здесь создается другой образ: «мигранты в отличие от аборигенов очень уважительно относятся к педагогам, к женщинам» (6).

Отношение к школе у родителей трепетное: матери на родительские собрания приходят принарядженные, видят только плюсы от учебы в многонациональных классах, в семьях начинают общаться по-русски, чтобы помочь детям освоиться (41; 55). Родители живо интересуются учебой, поддерживают «перевоспитание» детей, их социализацию в другой для них культуре, «понимают, что ребенок дол-жен интегрироваться» (6). Данный дискурсивный сегмент создает миф, баланси-руя на грани между гуманизмом и героической риторикой. Здесь вновь выстраи-вается оппозиция, но уже с противоположным полюсом — дети мигрантов более прилежные и потому успешные.

Однако, с гуманистической перспективы дети — это субъекты, они разные, к ним нужен индивидуальный подход, не стоит применять к ним социальные или педаго-гические клише (24). Хотя многое зависит от мотивации и старательности, не все определяется индивидуальным настроем и способностями (14). Именно учителя показаны главными акторами гуманистического подхода — это бескорыстные эн-тузиасты, которые пытаются разрушить стену неприятия, занимаются дополните-льно с детьми мигрантов вопреки растущей нагрузке (47). В школах пытаются работать тонко: «не сразу же с мечом идти. Все должно быть уважительно и дели-катно» (6). В публикациях 2010-х годов показано, что власти поддерживают уси-лия в этом направлении: московская мэрия выделила бюджет, «средства пойдут на гранты учителям, проявившим высший профессионализм в работе с иностранными учениками» (20). Будучи тогда ректором ВШЭ, Я. Кузьминов настаивал, что главное — это «восстановить профессиональную мораль педагога» (54).

В рассматриваемом фрейме звучат также лейтмотивы «обычного, нормально-го детства», где есть место и дракам, и дружбе, и взаимопониманию, и трудностям взросления, с которыми нужно работать опытным педагогам, психологам, настав-никам, приводятся данные исследований (31). Конфликты в школе вовсе не все-гда носят ксенофобский или межнациональный характер (5). Исследования, как здесь утверждается, снижают накал тревожной риторики, помогают усомниться в мифах и стереотипах (20), показывают, что у школ, где обучаются мигранты, по-является особый символический капитал — это их новая гуманистическая мис-сия, ведь они максимально демократичны и никому не отказывают в приеме (30). Школа становится каналом социальной и культурной адаптации детей мигрантов (22), и нет смысла тормозить этот процесс.

В конце рассматриваемого периода публикуемые статданные (56) сопровождаются комментарием министерства о важности интеграции детей мигрантов в российское общество (9). К статистике апеллируют, публикую результаты опроса учителей, согласно которому мнения респондентов разделились практически поровну: 49 % и 52 % считают, что у детей мигрантов есть проблемы с освоением общеобразовательных предметов и русского языка соответственно, а 47 % и 42 % этого не признают (18). Один из аргументов диверсифицирует источник проблем: не только мигранты, но и граждане РФ тоже могут плохо владеть русским языком (8); в некоторых регионах их доля достигает 10—15 %, и в гражданство РФ ежегодно вступают около 500 тыс. иностранцев из ближнего зарубежья (22), что не гарантирует знание языка их детьми.

Однако с осени 2024 г. набирают силу голоса в нормативно-правовой риторике с другими акцентами: теперь плохое владение русским языком трактуется как нарушение прав и детей мигрантов, и всех учащихся. Большое количество мигрантов в классе «существенно ущемляет права российских детей. Поэтому интеграция в языковую среду и культуру нашей страны должна быть обязательной» (43). Интеграция в такой риторике непротиворечиво увязывается с тезисом «не выпускать их в школу». Этот подфрейм «Ограничение прав» внутри фрейма «Права» связывает аргументы правозащиты и угрозы существующему порядку. В ноябре 2024 г. риторика ограничений усиливается, причем ораторы апеллируют к эмпатии: так, парламентарию «сложно представить внутренне ощущение малыша, который в школе или в детском саду не понимает, что ему говорит преподаватель или его сверстник» (50). Такова своеобразная логика «гуманизма наоборот»: ребенок в стрессе из-за отсутствия знаний и умений, поэтому его нужно исключить, пока он каким-то образом не обретет качества, необходимые для интеграции. Не знание языка показано как фактор стресса для ребенка-мигранта и условие нарушения прав всех учащихся (52), что дискурсивно сближает эту позицию с фреймами «Жертва» и «Угроза».

О законодательных изменениях рассуждают как о незначительном новшестве: «право иностранцев на получение образования в России не отменяется, а лишь слегка ограничивается» (27), для его реализации следует выполнить «всего два пункта»: законность их нахождения на территории РФ и знание русского языка на достаточном уровне (28). И хотя в конце 2024 г. сообщается о единодушии всех парламентариев по поводу изменений Закона об образовании (27), озвучивается и мнение оппонентов (28). Нововведение подвергается критике за противоречие «принципу инклюзивности», характерному для российского законодательства, и игнорирование долгосрочных перспектив «неизбежного» притока людей, которым меньше повезло в стране рождения (22). Тезис о «неизбежной инклюзии» человеческих ресурсов связывает риторику правозащиты с фреймом «Наименьшее из зол».

В статьях звучат критическая лексика и метафоры: «торжество бюрократического убожества, консерватизма, пещерные интересы шовинистов», «развязывает руки для травли мигрантов и даже для проведения этнических чисток, а также для коррупционных схем». Лексика подчеркивает ценность каждого ребенка и важность инклюзии: каждый ребенок школьного возраста, просто дети, всеоб-

щее обучение, общая партя, толерантность, гордость, благо, профессиональная мораль, бескорыстные гуманисты, принцип инклюзивности, интеграция, равные возможности, особые образовательные потребности, им надо включиться в жизнь, их надо встроить в свой мир. В публикациях используются приемы героизации детей, лексически подчеркиваются их права и недопустимость их дискриминации. В конце рассматриваемого периода лексемы закона и порядка действуются в контексте делегитимации существующих правовых норм. Быстро усиливаются голоса, легитимирующие исправление законодательства ввиду проблем с «языковой непригодностью» детей иностранных граждан, «незнаек», которых необходимо оградить от системы образования ради их же блага и защиты российских учащихся.

Заключение

Фрейм «Угроза» приводит читателя к моральной фрустрации в отношении функции образования как базового социального института. В этой логике образование утрачивает свой функционал из-за роста разрушающих его чужеродных элементов, увеличивающих нагрузку на учителей, всю систему образования и в целом на «социальную сферу» и наносящих вред обществу, особенно местным детям, их родителям и педагогам. Те, кто не прошел социализацию в принимающей стране, показаны здесь некультурными, дикими: им трудно осваивать школьную программу, а поскольку они социализированы в других культурах, растут негативные последствия для окружающих. Эти ярлыки поддерживаются аргументами из дискурсивной рамки «Наименьшее из зол», делающей акцент на рисках безопасности для общества.

Фрейм «Наименьшее из зол» представляет образование не столько как социальный лифт, сколько как барьер криминализации и экстремизму: если не интегрировать детей сейчас, они могут представлять угрозу в будущем. Статус детей мигрантов рассматривается в стигматизирующей риторике как индивидуальный и «племенной» недостаток, сопровождающийся «некультурностью» как патологией, которую следует устраниć, чтобы приблизиться к идеалу культурного гражданства. Этот фрейм задает двойственную моральную оценку: страх депопуляции борется со страхом чужих, инклюзия показана как лучшая альтернатива из имеющихся, а сегрегация осуждается как основа роста преступности. Таким образом, преимущества от инклюзии просматриваются в терминах продуктивизма и безопасности для общества. В этой логике, хотя в настоящий момент инклюзия может показаться искусственным решением от безысходности, все-таки в итоге чужие могут стать полноценными людьми и правильными гражданами: школа научит их любить новую родину.

Фрейм «Жертва» эксплуатирует тему культурной чуждости как стигму: эти дети из другого мира — там дети «не как у нас». Они оказываются заложниками традиций, испытывая экономическую эксплуатацию, изоляцию и насилие. Данная рамка не ограничивается отсылкой к культурным особенностям, но поднимает вопрос о легализации статуса. Тем самым здесь эксплицирован вектор от противодействия трудовой эксплуатации детей к защите их прав. Фрейм рисует порочный круг, где сегрегация и неравенство одновременно подпитываются ксенофо-

бией и усиливают ее. Виктимное фреймирование пересекается с правозащитным, когда используются голоса экспертов правового поля и соответствующий лексикон, при этом речь идет о нарушении прав детей их родителями, которые должны отвечать за это по всей строгости законов РФ.

В публикациях фрейма «Права» центральное место занимают права, активность, потенциал и ценность людей с миграционным опытом, которые вносят свой вклад в принятие решений и стремятся управлять своей жизнью, в том числе посредством образовательных шансов, а также с использованием механизмов правозащиты. Здесь задействована лексика правового поля, взрослые адресаты или система образования риторически наделяются ответственностью и обязанностью, а дети — правами. Кроме того, статьи этого фрейма показывают детей мигрантов субъектами с разнообразными особенностями, проблемами и возможностями, помогают читателю понять, что важно дать детям шанс, постулируют важность гибких подходов к обучению. Это эксплицитно проинклузивный дискурс. Культурная тема фрейма построена на неприятии ксенофобии, важности правового государства и инклузивной культуры, толерантности и гуманизме. Другой жизненный опыт, другой взгляд и культура создают вызовы и возможности, в том числе для развития педагогических методов и системы образования в целом. Практически незаметный, но все же просматриваемый акцент на солидарности, взаимном обучении и взаимной поддержке местных и мигрантов, детей и взрослых позволяет увидеть детей в их обычных контекстах — учебы и дружбы, противоречий, конфликтов, взросления, общих переживаний, мечтаний и юмора. Дополнительно к мейнстримной логике данной рамки, в финальной фазе рассматриваемого периода усиливается контраргументация против инклузии в подфрейме «Ограничение в правах». Здесь лакуны правового поля усматриваются в недостаточной прочности фильтров, наносящей вред всем участникам. Ущемление прав относят к российским школьникам, которые не должны учиться с отстающими. Но голоса в пользу интеграции все еще слышны.

Доминирующим фреймом выборки выступает «Угроза», а три других предоставляют контраргументы. При этом между фреймами есть некоторые сходства. «Угроза» и «Права» показывают детей мигрантов как акторов, но если в первом случае им атрибутируется опасная активность, создающая нагрузку и зримое присутствие, то во втором они показаны субъектами прав, такими же детьми, как все, с разными характерами и особенностями. В свою очередь образование детей мигрантов фреймируется как польза для принимающего общества в дискурсивном сегменте «Наименьшее из зол». Здесь постулируется логика «иначе будет хуже», и дети выступают объектами, как и в виктимном фрейме, где есть много ярких историй, но персонажи показаны пассивными жертвами обстоятельств, а их ситуации — статичными. Однако такие описания вызывают не только жалость, но и возмущение в адрес ксенофобии, сегрегации и ошибок системы образования. Здесь также делается упор на чужеродные традиции, которые закрепощают детей. Акцент на культурной дистанции характерен также для фрейма «Угроза», где сами дети выступают активными носителями чуждого мировоззрения. В совокупности презентации в трех фреймах укрепляются ориенталистские клише. Инклузия детей мигрантов в правовом фрейме показана не как адаптация и аккультурация,

что больше характерно для остальных фреймов, а в аспектах изменения системы образования в сторону большей гибкости, развития новых компетенций и программ, принципов доступности и человекоцентричности. Инклузивное образование рассматривается как социальный лифт для самих детей и как гуманистическая ценность в ценностной повестке публичной политики и общественного мнения.

Рекомендации о том, как решить проблему, выделяемые в этих фреймах, можно подразделить на контроль и фильтрацию, ограничение и инклузию. Кроме того, следует упомянуть адаптацию в значении аккультурации. Контроль в аспектах учета с целью оценки потребностей и защиты прав характерен для фреймов «Жертва» и «Права». Фильтрация посредством квотирования на основании миграционного статуса родителей и уровня владения ребенком русским языком предлагается в логике фреймов «Угроза» и «Наименьшее из зол». Ограничение доступа к образованию постулируется во фрейме «Угроза» и подфрейме «Ограничение в правах». Инклузия по большей части артикулирована в дискурсе равенства прав и гуманизма, хотя встречаются аргументы в духе «иначе будет хуже», а в нескольких случаях эти аргументы формулируются в логике виктимизации. В статьях часто упоминается концепт адаптации, в том числе в контексте разговора об инклузии и интеграции. Там, где адаптация понимается в значении аккультурации, трактовка фреймирована логикой «Наименьшего из зол», «Жертвы» и «Угрозы». Поиск ответственных за решение проблемы приводит на распутье: «Угроза» и «Жертва» возлагают ответственность на родителей, диаспоры, страны исхода. «Наименьшее из зол», «Жертва» и «Права» — на государство, в первую очередь систему образования.

«Эта тема скользкая», — написала о проблеме детей мигрантов в школах в своей статье корреспондент «Известий» Елена Лория в 2007 г. Для того чтобы не поскользнуться на противоречиях дискурсивного поля, полезно применить метод анализа фреймов. Этот разбор помогает картировать аргументируемые позиции, наметить векторы в динамике проблематизации, сопоставить альтернативные риторические стратегии и нащупать линии логических связей, которые используются для легитимации и оспаривания мейнстримного дискурса.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
Anderson B. (2016) Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
2. Деминцева Е. От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12. № 1. С. 152—182. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182>.
Demintseva E. (2020) From “Factory” to “Migrant” School: (Post)Soviet School Segregation in Urban Space. *Laboratorium: Journal of Social Research*. Vol. 12. No. 1. P. 152—182. [\(In Russ.\)](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-152-182)

3. Киреева О. В. Метафорическое моделирование миграции в дискурсе российских и британских СМИ // Политическая лингвистика. 2019. № 4. С. 31—38. <https://doi.org/10.26170/pl19-04-03>.
 Kireeva O. V. (2019) Metaphorical Modeling of Migration in the Discourse of Russian and British Media. *Political Linguistics*. No. 4. P. 31—38. <https://doi.org/10.26170/pl19-04-03>. (In Russ.)
4. Комарова Е. В. Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа // Филология и культура. 2019. № 4. С. 41—49. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60>.
 Komarova Ye. V. (2019) The Image of a Migrant in Media Discourse: Traditional Media and New Media. *Philology and Culture*. No. 4. P. 41—49. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60>. (In Russ.)
5. Леденева В. Ю., Безвербная Н. А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 95—105. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-08>.
 Ledeneva V. Yu., Bezverbnaya N. A. (2020) Forming the Image of a Migrant in the Media and Social Networks against the Backdrop of the COVID-19 Epidemic (Based on the Results of Content Analysis of Online Publications). *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. No. 3. P. 95—105. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-08>. (In Russ.)
6. Мавлетова А. М., Лебедев Д. В. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 3. С. 79—102.
 Mavletova A. M., Lebedev D. V. (2017) Research of Media Frames: Review of the Main Methodological Approaches. *Communications. Media. Design*. Vol. 2. No. 3. P. 79—102. (In Russ.)
7. Маркина В. М. Стратегии репрезентации Других в СМИ: теория и методология контент-анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 82—90.
 Markina V. M. (2015) Strategies of Representation of Others in the Media: Theory and Methodology of Content Analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 1. P. 82—90. (In Russ.)
8. Павленко Р. И. Литературные материалы «Независимой газеты» и общественная жизнь середины 90-х годов XX века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 3. С. 107—111. Pavlenko R. I. (2013) Literary Materials of the “Nezavisimaya Gazeta” and Public Life in the Mid-90s of the 20th Century. *Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*. Vol. 13. No. 3. P. 107—111. (In Russ.)
9. Сосновская А. М. Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде» // Управленческое

- консультирование. 2020. № 2. С. 109—120. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-2-109-120>.
- Sosnovskaya A. M. (2020) Modern Sources of Nationalistic Self-Awareness among Young People: Analysis of Implicit Guidelines of the Survey “Harmonization of Inter-Ethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and among Young People”. *Management Consulting*. No. 2. P. 109—120. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-2-109-120>. (in Russ.).
10. Фэй Л. Медиаобраз Китая в российской прессе (на примере материалов «Российской газеты») // Меди@льманах. 2023. № 6. С. 60—69.
Fei L. (2023) Media Image of China in the Russian Press (Based on Materials from the Rossiyskaya Gazeta Newspaper). *Medi@lmanakh*. No. 6. P. 60—69. (In Russ.)
11. Buzan B., Waever O. (1998) Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
12. Cap P. (2019) Aspects of Threat Construction in the Polish Anti-Immigration Discourse. In: Viola L., Musolff A. (eds.) *Migration and Media. Discourses about Identities in Crisis*. Amsterdam: John Benjamins. P. 115—136.
13. Catalano Th. (2017) When Children Are Water: Representation of Central American Migrant Children in Public Discourse and Implications for Educators. *Journal of Latinos and Education*. Vol. 16 No. 2. P. 124—142. <https://doi.org/10.1080/15348431.2016.1205988>.
14. Elitaş S. K. (ed.) (2024) Media Representation of Migrants and Refugees. Hershey, PA: IGI Global.
15. Entman R. M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43. No. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
16. Fuller J. M. (2019) Discourses of Immigration and Integration in German Newspaper Comments. In: Viola L., Musolff A. (eds.) *Migration and Media. Discourses about Identities in Crisis*. P. 317—338. Amsterdam: John Benjamins.
17. Gamson W.A., Modigliani A. (1989) Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*. Vol. 95. No. 1. P. 1—37.
18. Gamson W.A., Croteau D., Hoynes W., Sasson T. (1992) Media Images and the Social Construction of Reality. *Annual Review of Sociology*. Vol. 18. P. 373—393.
19. Goethals T., Mortelmans D., van den Bulck H., van den Heurck W., Hove G. V. (2020) I Am not Your Metaphor: Frames and Counter-Frames in the Representation of Disability. *Disability & Society*. Vol. 37. No. 5. P. 746—764. <https://doi.org/10.1080/09687599.2020.1836478>.
20. Gómez-Quintero J.-D., Aguerri J.-C., Gimeno-Monterde C. (2021) Media Representation of Minors Who Migrate on their Own: The 'MENA' in the Spanish Press. *Comunicar*. Vol. 29. No. 67. P. 95—105.

21. Hall S. (1980) Encoding/Decoding. In: Hall S., Hobson D., Lowe A., Wills P. (eds.) *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson. P. 128—138.
22. Koca-Helvaci Z. C. (2019) A Humanitarian Disaster or Invasion of Europe? 2015 Migrant Crisis in the British Press. In: Viola L., Musolff A. (eds.) *Migration and Media. Discourses about Identities in Crisis*. Amsterdam: John Benjamins. P. 93—114.
23. Rosen R., Crafter S. (2018) Media Representations of Separated Child Migrants. *Migration and Society*. Vol. 1. No. 1. P. 66—81. <https://doi.org/10.3167/arms.2018.010107>.
24. Van Gorp B. (2010) Strategies to Take Subjectivity out of Framing Analysis. In: D'Angelo P., Kuypers J. (eds.) *Doing News Framing Analysis: Empirical and Theoretical Perspectives*. New York, NY: Routledge. P. 84—109.
25. Van Gorp B. (2007) The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back. *Journal of Communication*. Vol. 57. No. 1. P. 60—78. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9916.2007.00329.x>.

Приложение

Источники СМИ

«Известия»

1. Башарова С. В детских садах появятся книжки про мигрантов. 18.11.13. URL: <https://iz.ru/news/560746>.
2. Башлыкова Н. Минпросвещения рекомендовало ограничить число детей иностранцев в классах. 18.09.24. URL: <https://iz.ru/1760852/2024-09-18/minprosveshcheniia-porekomendovalo-ogranichit-chislo-detei-inostrantsev-v-klassakh>.
3. Башлыкова Н. Школьникам пора: в ГД готовят закон о приоритетном зачислении россиян на учебу. 23.07.21. URL: <https://iz.ru/1196732/natalia-bashlykova/shkolnikam-pora-v-gd-gotoviat-zakon-o-prioritetnom-zachislenii-rossiian-na-uchebu>.
4. Верховская М., Корчмарек Н. В школах готовы тратить дополнительные деньги на детей мигрантов. Учителей русского языка загрузят дополнительной работой. 28.09.11. URL: <https://iz.ru/news/502233>.
5. Гавычева А. Детей-мигрантов Москвы приглашают в этношколы. 15.06.11. URL: <https://iz.ru/news/492138>.
6. Граница Н. Директор школы N 824 Татьяна Гузенко: «Сначала армяне преобладали. Потом узбеки. Сейчас киргизы». 05.06.09. URL: <https://iz.ru/news/349335>.

7. Гранина Т. «Твоя моя не понимай» больше не пройдет. 12.07.11. URL: <https://iz.ru/news/494163>.
8. Гурьянов С. Классовый разрыв: нужно ли учить отдельно детей мигрантов. 05.09.23. URL: <https://iz.ru/1568934/sergei-gurianov/klassovyj-razryv-nuzhno-li-uchit-otdelno-detei-migrantov>.
9. Гурьянов С. Честь речи: детей мигрантов не возьмут в школы без знания русского языка. 11.12.24. URL: <https://iz.ru/1797916/sergei-guranov/cest-reci-detei-migrantov-ne-vozmut-v-skoly-bez-znania-russkogo-azyka>.
10. Давыдова Н. Неученых — тьма. 23.11.09. URL: <https://iz.ru/news/355639>.
11. Дети мигрантов. Ректор РГСУ Наталья Починок — о том, как работает система социальной адаптации в России. 23.08.17. URL: <https://iz.ru/635465/natalia-pochinok/deti-migrantov-v-rossii-tri-no-sotsialnoi-adaptacii>.
12. Кориненко Е. Сомнительный прием: в России создают центры адаптации мигрантов. Пока разобраться в местных реалиях им помогают только общественники. 31.10.18. URL: <https://iz.ru/806618/ekaterina-korinenko/somnitelnyi-priem-v-rossii-sozdaiut-tcentry-adaptacii-migrantov>.
13. Крецул Р. Подмосковные сирийцы заговорят по-русски. В Ногинске открылись языковые курсы для беженцев. 10.03.16. URL: <https://iz.ru/news/605850>.
14. Лория Е. Национализм в песочнице. 16.10.07. URL: <https://iz.ru/news/329741>.
15. Петрова М. Мигрантов будут учить русскому с детского сада. 29.03.13. URL: <https://iz.ru/news/547602>.
16. Подосенов С. Детей нелегальных мигрантов предлагают не принимать в школы и детсады. 27.09.13. URL: <https://iz.ru/news/557658>.
17. Путин поручит проработать меры для адаптации детей иностранных граждан. 30.03.21. URL: <https://iz.ru/1144347/2021-03-30/putin-poruchit-prorabotat-mery-dlia-adaptacii-detei-inostrannyykh-grazhdan>.
18. Российские учителя оценили уровень владения русским языком у детей мигрантов. 14.08.24. URL: <https://iz.ru/1742546/2024-08-14/rossiiskie-uchitelia-otcenili-uroven-vladeniia-russkim-iazykom-u-detei-migrantov>.
19. Семью мигрантов выдворят из РФ после избиения их ребенком школьника. 02.11.23. URL: <https://iz.ru/1599445/2023-11-02/semu-migrantov-vydvoriat-iz-rf-posle-izbieniya-ikh-rebenkom-shkolnika>.
20. Синяева Ю. Детей мигрантов будут учить по-русски. 16.05.12. URL: <https://iz.ru/news/524571>.
21. Чернышева Е. Детей мигрантов требуют свободно принимать в школы. Правозащитники оспорили приказ Минобрнауки в Верховном суде — по их мнению, он противоречит Конституции. 7.07.15. URL: <https://iz.ru/news/588457>.

«Независимая газета»

22. Большаков И. Школа — не для мигрантов? 17.11.24. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-11-17/3_9136_kb.html.
23. Брод А. Ненависть на самоизоляции. Создание этнических школ для детей мигрантов — это путь к этническим гетто. 12.04.21. URL: https://www.ng.ru/ideas/2021-04-12/7_8126_migrants.html.
24. Герасимова Е. Школа, плохо говорящая по-русски. 10.08.11. URL: https://www.ng.ru/education/2011-08-10/7_migration.html.
25. Закон о зачислении в школы детей мигрантов не носит запретительный характер — Матвиенко. 20.12.24. URL: <https://www.ng.ru/news/807444.html>.
26. Кузнецов С. В РПЦ назвали идею запретить прием мигрантов в школы без знания языка верной. 12.11.24. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-11-12/2_9133_news2.html.
27. Родин И. Госдума жестко взялась за образовательную политику. 25.11.24. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-11-25/1_9142_school.html.
28. Родин И. Госдума проламывает закон о защите школ от детей мигрантов. 10.12.24. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-12-10/1_9153_migrants.html.
29. Савицкая Н. Допустимо ли оставить учеников-иностранных за порогом класса. 16.08.23. URL: https://www.ng.ru/education/2023-08-16/8_8801_migrants.html.
30. Савицкая Н. Плюсы и минусы «мигрантских» школ. 01.07.20. URL: https://www.ng.ru/education/2020-07-01/8_7899_schools.html.
31. Савицкая Н. Портрет юного мигранта. 01.11.11. URL: http://www.ng.ru/education/2011-11-01/8_migrant.html?insidedoc.
32. Савицкая Н. Чему и как учить детей мигрантов. 26.08.15. URL: https://www.ng.ru/columnist/2015-08-26/7_migrantly.html.
33. Савицкая Н. Языковой барьер с тяжелыми последствиями. 06.06.24. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-06-06/3_9024_kb.html.
34. Трифонова Е. Борьба властей и приезжих за школьные места идет не по закону. 26.08.22. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-08-25/1_8523_migrants.html.
35. Трифонова Е. Детям беженцев образование не гарантировано. 01.06.17. URL: https://www.ng.ru/politics/2017-06-01/1_7000_children.html.
36. Трифонова Е. Детям гастарбайтеров гарантируют образование. 17.12.15. URL: https://www.ng.ru/politics/2015-12-17/3_gastarbaitery.html.
37. Трифонова Е. Квоты в школах детям гастарбайтеров введут явочным порядком. 16.04.21. URL: https://www.ng.ru/politics/2021-04-15/1_8130_migrants.html.

38. Трифонова Е. Мигранты из СНГ не спешат покидать Россию. 20.06.16. URL: https://www.ng.ru/politics/2016-06-20/3_migranty.html.
39. Уколов Р. Ассалом алейкум, школа. 16.12.08. URL: https://www.ng.ru/society/2008-12-16/8_school.html.

«Российская газета»

40. Агранович М. и др. Нужно ли сокращать в классе число не говорящих по-русски учеников. 19.09.24. URL: <https://rg.ru/2024/09/19/bolshe-treh-ne-sobiratsia.html>.
41. Андреева Т., Выжутович В. Кому на пользу совместное обучение детей мигрантов и русских. 03.03.16. URL: <https://rg.ru/2016/03/03/reg-urfo/komu-na-polzu-sovmestnoe-obuchenie-detej-migrantov-i-russkikh.html>.
42. Бугулова И., Ивойлова И. В регионах возобновились проблемы с записью детей в первый класс. 20.02.17. URL: <https://rg.ru/2017/02/20/v-regionah-vozobnovilis-problemy-s-zapisiu-detej-v-pervyj-klass.html>.
43. Владыкина Т. В Москве встретились детские омбудсмены стран СНГ. 18.06.24. URL: <https://rg.ru/2024/06/18/reg-cfo/v-moskve-vstretilos-detskie-ombudsmeny-stran-sng.html>.
44. Грицюк М. В России работают не менее 40—60 тысяч детей мигрантов. 16.04.13. URL: <https://rg.ru/2013/04/17/rebenok.html>.
45. Грицюк М. Детей мигрантов-нелегалов перестанут учить в российских школах. 03.10.13. URL: <https://rg.ru/2013/10/03/migranti-site.html>.
46. Грицюк М. У детей мигрантов будут снимать отпечатки пальцев с 12 лет. 06.04.14. URL: <https://rg.ru/2014/04/07/migr.html>.
47. Дубичева К. Ранние браки стали проблемой для школ, в которых учатся дети мигрантов. 01.10.12. URL: <https://rg.ru/2012/10/02/mama.html>.
48. Егоров И. Дмитрий Данилов: Работа по защите прав детей в прокуратуре была перестроена. 24.04.22. URL: <https://rg.ru/2022/04/24/dmitrij-danilov-rabota-po-zashchite-prav-detej-v-prokurature-byla-perestroena.html>.
49. Емельяненко В. В РПЦ назвали верной идею запретить прием мигрантов в школы без знания русского. 12.11.24. URL: <https://rg.ru/2024/11/12/v-rpc-nazvali-vernoj-ideiu-zapretit-priem-migrantov-v-shkoly-bez-znaniia-russkogo.html>.
50. Замахина Т. «Все должны чувствовать себя комфортно». В Госдуме объяснили необходимость запрета на прием в школы без знания языка. 25.11.24. URL: <https://rg.ru/2024/11/25/v-gd-objasnili-neobhodimost-zapreta-na-zachislenie-v-shkoly-bez-znaniia-iazyka.html>.
51. Замахина Т. «Невозможно качественно передавать им знания»: детей мигрантов без знания русского языка запретят принимать в школы. 10.12.24. URL: <https://rg.ru/2024/12/10/gosduma-zapreshchaet-prinimat-detej-migrantov-v-shkoly-bez-znaniia-russkogo-iazyka.html>.

52. Замахина Т. Володин назвал следствие принятия закона о детях мигрантов. 26.11.24. URL: <https://rg.ru/2024/11/26/volodin-nazval-sledstvie-priniatia-zakona-o-detiah-migrantov.html>.
53. Замахина Т. Путин запретил брать в школы детей без знания русского языка. 28.12.24. URL: <https://rg.ru/2024/12/28/putin-zapretil-brat-v-shkoly-detej-bez-znaniia-russkogo-iazyka.html>.
54. Ивойлова И. В хороших школах могут ввести квоты для обучения. 18.06.12. URL: <https://rg.ru/2012/06/18/shkoli-site.html>.
55. Ивойлова И. Через десять лет треть учащихся российских школ будут составлять дети мигрантов. 02.10.12. URL: <https://rg.ru/2012/10/02/migranty.html>.
56. Кузьмин В. Медведев заявил о недостаточном уровне русского языка у 40% детей мигрантов. 26.12.24. URL: <https://rg.ru/2024/12/26/medvedev-zaiaivil-o-nedostatochnom-urovne-russkogo-iazyka-u-40-detej-migrantov.html>.
57. Новак О. Дети мигрантов должны учиться со своими сверстниками. 03.02.09. URL: <https://rg.ru/2009/02/03/shkola.html>.
58. Новоселова Е. 25 тысяч детей мигрантов в Москве не знают русский язык. 25.06.08. URL: <https://rg.ru/2008/06/25/yazik.html>.
59. Новоселова Е. Владимир Легойда усомнился в том, что правильно вкладываться в повышение образовательного уровня детей-мигрантов за счет дополнительной нагрузки на учителей. 19.06.23. URL: <https://rg.ru/2023/06/19/vladimir-legojsda-usomnilsja-v-tom-chto-pravilno-vkladyvatsia-v-povyshenie-obrazovatelnogo-urovnia-detej-migrantov-za-schet-dopolnitelnoj-nagruzki-na-uchitelej.html>.
60. Новоселова Е. Совет экспертов: нужны ли в Москве национальные школы? 28.06.05. URL: <https://rg.ru/2005/06/28/shkola-zasada.html>.
61. Полтавцева А. Лидер «Совета матерей» Татьяна Буцкая: Проблема мигрантов должна быть решена. 26.07.21. URL: <https://rg.ru/2021/07/26/lider-soveta-matrej-tatiana-buckaia-problema-migrantov-dolzhna-byt-reshena.html>.
62. Рыбин А. СК проверит школу в Калининграде из-за жалоб на прием детей мигрантов. 29.09.24. URL: <https://rg.ru/2024/09/29/sk-proverit-shkolu-v-kaliningrade-iz-za-zhalob-na-priem-detej-migrantov.html>.
63. Спицына А. Глава СПЧ предложил лишать мигрантов родительских прав за отказ обучать детей в школе. 13.03.23. URL: <https://rg.ru/2023/03/13/glava-spch-predlozhil-lishat-migrantov-roditelej-prav-za-otkaz-obuchat-detej-v-shkole.html>.
64. Спицына А. Глава СПЧ Фадеев: Власти не должны допускать маргинализации детей мигрантов. 22.11.24. URL: <https://rg.ru/2024/11/22/glava-spch-fadeev-vlasti-ne-dolzhny-dopuskat-marginalizacii-detej-migrantov.html>.

65. Спицына А. В СПЧ предложили лишать гражданства за препятствование обучению детей в школах. 30.10.24. URL: <https://rg.ru/2024/10/30/v-spch-predlozhili-lishat-grazhdanstva-za-prepiatstvovanie-obucheniiu-detej-v-shkolah.html>.
66. Яковлева Е. Валерий Фадеев: Не владеющих русским языком детей мигрантов нельзя зачислять в российские школы. 29.08.22. URL: <https://rg.ru/2022/08/29/valerij-fadeev-ne-vladeiushchih-russkim-iazykom-detej-migrantov-nelzia-zachisliat-v-rossijskie-shkoly.html>.